

Елена Новаженина

Пьер и Мари

Глава 1

Знакомство

*1908 год, Санкт —
Петербург.*

Маша шла по вечернему городу, поёживаясь от холода. Возле одного из магазинов она увидела щуплого, плохо одетого мальчика. Он смотрел, как казалось девочке, на большую стеклянную витрину. Когда Маша поравнялась с мальчуганом, она заглянула ему в лицо и увидела неподвижный, ничего не говорящий взгляд. Мальчик стоял, уставившись в одну точку. На появление Маши он никак не среагировал.

— Ты замёрз? — спросила Маша.

Мальчик вздрогнул и перевёл взгляд на неё. Его глаза смотрели как-то необычно. Он молчал.

— Ты что здесь делаешь? — снова спросила Маша, — ты кого-то ждёшь?

— Я слепой, — ответил мальчик, и смотрю в сторону света. Я знаю, это витрина магазина.

— Ты шутишь? Ты действительно слепой? —

Маше не хотелось в это верить, — вот почему ты так странно смотришь, ты меня не видишь!

— Не вижу, но чувствую и слышу. Ты девочка, тебе лет десять — двенадцать, так? — ответил мальчик.

— Да. Я Маша, мне скоро будет двенадцать лет. А тебя как зовут?

— А я Пётр, слепой вот уже три года. Умею немного писать и читать, вернее умел, когда был зрячим. Раньше у меня были книги, а теперь они мне не нужны, тем более что читать их для меня некому.

Пётр говорил чётко, размеренно, лицо его было серьёзно, и вёл он себя совсем не по-детски. Маша прониклась к нему жалостью.

— Где ты живёшь, Петруша, — она по-сестрински обняла мальчика, желая расположить его к себе.

— Сейчас уже нигде, — ответил тот.

— Пойдём со мною, малыш, — обратилась Маша по-взрослому к мальчику. Она взяла его за руку и повела с собой.

По дороге дети разговорились. Девочка узнала, что Пете десять лет, он сирота, жил с дедушкой, который работал сторожем у одного барина. Сегодня дедушка умер, его место занял другой человек, и Петя остался без крова и без единой близкой живой души.

— Теперь ты не один, — утешала мальчика Маша, — теперь у тебя есть я. Будем жить вместе. Как-нибудь перезимуем, а летом легче будет.

Маша сама была сиротой, и зарабатывала тем, что нянчила ребёнка в доме местного судьи. Жила она в ветхом домишке, на окраине города, в бедном квартале. Домик этот ей достался от дяди Евгения Фёдоровича Рысакова, ныне покойного. Дядя Женя, как звала его Маша, в своё время был известным цирковым артистом — метателем ножей. Он в совершенстве владел этим искусством; мог метать ножи даже с завязанными глазами, и одновременно обеими руками. У него была отличная зрительная память и быстрая реакция. Кидал ножи он молниеносно и руки его не дрожали.

Пока Евгений был жив, они с Машей ездили с цирком по миру, жили безбедно и интересно. Рысаков слыл щедрым, поддерживал других артистов труппы, которые постоянно просили у него денег займы, и никогда не возвращали долги. Он же, в свою очередь, никогда ни с кого этих долгов не требовал. Зато Маша его любимая единственная племянница ни в чём не нуждалась. У Евгения Рысакова не было своей семьи. Он был выходцем из аристократической среды, и имел прекрасное образование, но почему и как стал цирковым артистом, никто не знал, кроме Маши. Но она свято хранила семейную тайну. Евгений

оставил свою прежнюю жизнь и не хотел к ней возвращаться. Он всей душой полюбил цирк и выбрал беспокойную судьбу артиста. Он не мог, да и не хотел возвращаться в тот мир, в котором не было места бедным, сирым и оставленным. Рысаков жил среди простого, циркового люда, понимая, его нужды. Он понял, что не может уже мыслить и чувствовать как «они», те, кто был так далёк от него, кто на его выступлениях сидел на самых дорогих, элитных местах, бесцеремонно разглядывая артиста в бинокль. Рысаков старался убежать от своего прошлого, и ему это удалось.

Маше тоже пришлось поработать на арене, она была ассистенткой дяди. Девочка всецело доверяла ему, становясь к деревянному щиту. Правда некоторым знатным особам не нравилось, что ребёнок участвует в таких опасных выступлениях, но всё только этим и ограничивалось. Выступления проходили блестяще, и вместе с популярностью Рысакова росла и популярность всей труппы. Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Полтора года назад Евгений сильно заболел. Проболев около месяца, он узнал, что его собираются уволить. Неокрепший Евгений пришёл в цирк и встретился с директором. Тот, опуская глаза начал оправдываться убытками. Тогда Рысаков пригрозил, что уйдёт в другой цирк, с его-то популярностью это не составит труда. И

прижимистый старик, испугавшись, с улыбкой стал уговаривать Евгения остаться в труппе, зная, что выступления Рысакова приносят немалую прибыль. Привыкший обворовывать своих артистов недоплачивая им жалование, хитрый Штейнер представил, что он может потерять. Он уверял Евгения, что тот может лечиться столько, сколько надо. Вскоре, не привыкший считать деньги Рысаков, понял, что им с Машей придётся туго из-за его необдуманных трат. Ему пришлось выйти на работу, но болезнь сильно подорвала его здоровье и могучий, как казалось, организм начал «давать сбои».

Понимая, что он является единственной опорой для Маши, Рысаков начал обучать её своим опасным трюкам, предчувствуя, что жить ему осталось недолго.

— Я научу тебя всему, что сам умею, — говорил он Маше, — я научил тебя грамоте, ты неплохо владеешь французским и английским языками, но этим ты не сможешь зарабатывать сама, что бы жить так, как ты привыкла. А в цирке всегда есть работа. На твои выступления будут приходиться хотя бы только из-за того, что ты Рысакова — ученица знаменитого мастера, не говоря о том, что у тебя есть талант к этому делу. У тебя, Маша твёрдая рука, ты смелая и решительная, трудней найти ассистента, но и эта задача

выполнима. Поверь, ты не останешься без хлеба и крыши над головой. Да это не женская работа, — продолжал убеждать девочку Евгений, — но прибыльная. Люди всегда любили, и будут любить зрелища, и твоё умение искусно метать ножи всегда будет востребовано. Просто, девочка моя, — говорил Рысаков, расхаживая по комнате и вороша руками густую шевелюру вьющихся волос, — я не знаю чему ещё тебя научить. Жонглировать, ходить по канату и ездить верхом ты и так умеешь, да таких артистов хватает, а вот хороших метателей ножей нужно поискать. К тому же, — Евгений пристально посмотрел в глаза девочки, — я вижу, что именно к этому делу лежит твоя душа. Ты так же как я и твой покойный отец, мой любимый младший брат, любишь риск. Ты очень похожа на него, Маша, и не только внешне. Правда тебе досталась от матери рассудительность и это неплохо, имей я все эти качества, ты бы была сейчас одной из самых богатых наследниц столицы. Но я был преступно безрассуден. Надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня за это.

Евгений любил Машу как собственную дочь и очень переживал из-за того, что ему нечего ей оставить, кроме ветхого домика, который он когда то купил, что бы выручить продавца. И кто бы мог подумать, что это всё, чем он владеет. Он, известный артист, который никогда не считал

денег, и давным-давно потерял счёт должникам, которые делали вид, что ничем ему не обязаны. У Рысакова не было никаких накоплений и банковских счетов.

Евгений сидел на камне у обрыва над рекой, и смотрел на закатное небо. Маша прижалась к нему сзади, обнимая руками за шею. Ей было тяжело видеть, как её любимый дядя, молодой, красивый и сильный последние дни почти не смеётся. А в глазах его безграничная тоска, а порой даже трагизм. Девочка прижалась лицом к курчавой голове Рысакова и вдыхала до боли родной запах его волос. Они, долго и молча, смотрели на багровое светило, величественно покидающее небосвод. Евгений вспоминал детство, родительский дом, в котором сейчас жили его дальние родственники, вспоминал брата Александра, отца Маши и ту, из-за которой он всё потерял в прошлой жизни. Если бы всё можно было вернуть! Тогда бы Маша жила в родовом поместье Игнатьевых, потому что именно так звучала настоящая фамилия артиста Рысакова. Но с прошлым покончено навсегда, и для многих, знавших его прежним, Эжен Игнатьев был мёртв. Да и поздно было воскресать. На то, что бы доказать свою принадлежность к известной дворянской фамилии нужно было время и деньги. Ни того, ни другого у Рысакова почти не осталось.

День ото дня он терял силы, приближаясь к кончине своей цирковой карьеры, что было для него равносильно смерти.

— Дороги назад нет, как нет для меня и будущего, — сказал Евгений сам себе, затем обратившись к Маше, продолжил, — помни, девочка моя, что Бог, давший мне тебя и хранивший до этих пор, и впредь тебя не оставит. Верь в это! Ты, возможно, не будешь купаться в роскоши, но не будешь и голодать. Не забывай благодарить Создателя за всё, что ты имеешь в этой жизни. Но самое главное, Маша, что дано человеку, это любовь. Верь в неё и береги в сердце любовь ко всему, что тебе дорого. Человек только тогда остаётся человеком, когда любит Бога и принимает всё, что от Него дано.

Евгений встал, взял девочку за руку и, перед тем как уйти, ещё раз посмотрел на почти скрывшееся солнце. Этот закат был в его жизни последним. Наутро артист Евгений Рысаков, он же Эжен Игнатьев, умер, оставив десятилетнюю Машу круглой сиротой.

После смерти Евгения Маша ушла из труппы. Не потому, что ничему не научилась, нет, она не могла находиться в знакомом и любимом с детства цирке, там всё напоминало о дяде. Евгений был самым близким и родным для неё человеком, поэтому несколько дней после похорон Маша

ходила, как потерянная, а потом просто ушла, решив разом порвать с прошлым. Ей это не сразу удалось. Маше было очень одиноко, правда её навещали какое-то время некоторые друзья Евгения, подбадривали, утешали, звали в труппу, но у каждого свои заботы и вскоре о ней забыли. Девочка снова осталась совсем одна.

Маша начала показывать лёгкие акробатические трюки на рынке, прохожие кидали ей мелочь из жалости, она ещё не оправилась от перенесенного потрясения, и была очень голодна, так как несколько дней не ела. Просить милостыню она не стала, а собрав последние силы, решила заработать, выступая на рыночной площади. Девочка сильно ослабла и однажды просто потеряла сознание. В этот момент её увидел, проходивший мимо судья Селиванов. Он сжалился над девочкой и забрал её к себе. Маша согласилась у него работать, но упорно отказывалась от предложения жить тут же в доме судьи.

— У меня есть свой дом, благодарю вас, но я не бездомная, — настойчиво заверяла судью Маша. Так началась новая веха её жизни.

Дети пришли домой, когда уже совсем стемнело.

— Проходи, Петруша, — Маша ласково пригласила мальчика в дом, я зажгу свечу, у меня есть керосиновая лампа, но я стараюсь не

расходовать керосин. Думаю тебе не слишком темно?

— Я слепой, и мне всё равно свеча или лампа, я вижу только слабую светлую точку, ответил мальчик.

— Если ты видишь свет, значит не совсем слепой, я знаю одну старушку, она абсолютно ничего не видит, никаких светлых пятен. А ты что-то видишь, значит, тебя можно вылечить, — рассуждала Маша, быстро собирая на стол нехитрый ужин, — ты только не отчаивайся. Мне дядя Женя всегда говорил, что главное верить в лучшее и не опускать руки.

В эту ночь Маша долго не могла уснуть. Она всё прикидывала, как ей предстоит жить, ведь теперь ей нужно будет кормить ещё и Петю. Девочка несколько раз вставала, чтобы подоткнуть одеяло, она всё переживала, как бы Петя не замёрз. Была ранняя осень, но уже начинались утренние заморозки, а дрова приходилось экономить. Маша вспомнила последний разговор с дядей. Это было ночью, перед его смертью. Картины той ночи вставали не раз в её памяти, особенно в тяжёлые моменты. Вот и сейчас, она словно видела всё наяву.

Евгений несколько раз позвал Машу слабым голосом, девочка крепко спала, но всё же услышала его и встала.

— Машенька, присядь, — Рысаков отодвинулся на кровати, освобождая место, что бы девочка могла сесть с ним рядом, — я уйду от тебя. Прости! Не плачь и держись молодцом. Ты сильная, умная девочка, ты справишься, — он обнял наклонившуюся к нему Машу и посмотрел ей в лицо. Вид у него был измождённый, но Евгений старался держаться, как мог, — Ты остаёшься одна, но не совсем. У тебя есть Небесный Отец, — Евгений показал взглядом наверх, ему трудно было говорить, но он, что есть сил, подбадривал девочку, — Он тебя не оставит. А потом, когда ты вырастешь, — тут он ненадолго замолчал, — ты встретишь хорошего человека. Вы полюбите друг друга и всегда будете вместе. Запомни Маша люди все разные и надо любить и принимать их такими, какие они есть. Переделать человека под силу только Богу. Научись прощать, научись и по настоящему любить, и тогда ты будешь не одна идти по этой нелёгкой жизни.

Эти слова навсегда запали ей в душу.

Маша заснула под утро. Слабый свет проник в дом, освещая его изнутри. Дом был небольшой, но уютный. Чистые деревянные некрашеные полы были устланы домоткаными дорожками, что остались от прежних хозяев. Кухня, служившая одновременно и прихожей и две небольшие комнаты, тоже были прибраны. Маша была

хорошей хозяйкой и любила наводить чистоту, хотя мусорить в доме было некому. Она занималась этим по привычке, часто распевая любимые песни. Так она меньше чувствовала одиночество. В кухне у окна стоял деревянный стол, накрытый полотняной скатертью. Эту скатерть Маша забрала из «гримёрки» Рысакова в цирке, когда в последний раз приходила туда. Тётя Аня, жена старого клоуна Бома, которая кормила в цирке животных, убирала манеж и делала много другой работы, уговорила Машу забрать хотя бы скатерть, понимая, что всё разойдётся между членами труппы, а у девочки не останется ничего на память. Она сунула скатерть Маше в руки, уговаривая забрать и остальные вещи. Но девочка её плохо понимала, она тогда не хотела вообще ни о чём думать. Ей было невыносимо находиться в цирке. Неосознанно скомкав скатерть, девочка опроретью выбежала вон. Теперь эта скатерть, подаренная Евгению одной из многочисленных поклонниц, украшала кухню. Пожалуй, это была единственная приличная вещь в доме, но Маша об этом не думала.

Глава 2

Снова в цирке

Прошло три года. Всё это время Маша работала у Селиванова, нянчила его сынишку. Петя

всегда был рядом. Судья разрешил Маше приводить к себе в дом слепого мальчика. Селиванов подарил Пете несколько рельефных книг и научил его читать по Брайлю. Это были книги «Святое Евангелие», «Русские народные сказки», «Житие святых» и учебники по истории и географии. Петя был безмерно рад этому подарку. Вскоре мальчик освоился в доме судьи, и даже помогал ему, посильно, в делах. Петя был открытым и беззлобным, и судья ему доверял так же, как и Маше. Но девочку всегда тянуло в цирк. Она всё же не смогла порвать со своим прошлым, ведь его нельзя было стереть из памяти. Судья уговаривал Машу остаться у него и продолжить домашнее обучение, но она рвалась в цирк, пообещав навещать его и продолжать самостоятельно заниматься. Селиванову пришлось отпустить её и нанять для сына гувернантку. Цирк для Маши был вторым домом, и она вернулась в труппу.

Старик Штейнер взял девочку в акробатическую группу, но не разрешил выступать с номером метания ножей. Он замахал на неё руками, мол, ребенку нельзя доверять такие опасные трюки. Петю он принимать на работу вовсе не хотел, узнав, что мальчик слеп. Маша уговаривала директора разрешить Пете жить при цирке, доказывая, что мальчик не будет обузой, и

им будет достаточно тех средств, которые она зарабатывает. Она привыкла заботиться о Пете, и не смогла бы оставлять мальчика одного дома надолго, ведь труппа часто выезжала на гастроли. Вот она и решила, во что бы то ни стало, пристроить Петрушу в цирк. Она знала о скупости директора, и оказалась права. Штейнеру понравилось, что можно заполучить работника, ничего ему при этом не платя. Тогда он разрешил Пете находиться в цирке, выполняя любую работу по силам, быть, как говорится, «мальчиком на побегушках».

Ребята, по-прежнему, жили вместе. Петя заметно подрос, Маша тоже вытянулась. Старый дом совсем обветшал, но всё ещё служил пристанищем для двоих сирот, когда то обретших друг друга холодным осенним вечером. Когда же труппа отправлялась на гастроли, и дом пустовал, за ним присматривала старушка соседка.

Маша снова оказалась там, где жила с детства, где, когда то, работал Евгений. Она выросла «цирковым ребёнком» и ей нравилось работать на манеже. Но больше всего ей хотелось метать ножи. С годами она овладела в совершенстве этим искусством. Но Штейнер о ножах ничего не хотел даже слышать, а Маша всё же не теряла надежды.

С тех пор, как она вернулась в труппу, прошло три года. Маша выросла красавицей. Петя тоже

подрос и возмужал. Умер старый директор, он же хозяин цирка, и его место занял новый. Это был молодой Штейнер, сын старика Штейнера, который вернулся из Германии, где учился в магистратуре. Маша подходила и к новому директору всё с той же просьбой, разрешить ей выступить с номером метания ножей. Молодой Штейнер был очарован красотой девушки, но выступать ей с этим номером не разрешил. Он считал, что девушка в таких трюках может быть только ассистенткой.

— Кидать ножи, милая моя, это привилегия мужчин, — говорил он Маше, — женщина в этом номере может быть только у щита.

Штейнер очень дорожил репутацией цирка и не хотел ничем рисковать. Маша же не считала это риском и продолжала оттачивать своё мастерство. Но это в свободное от работы время. На арене она выступала в группе акробатов. К тому времени Маше уже исполнилось семнадцать лет, шёл восемнадцатый, и девочка чувствовала себя вполне взрослой.

Ясным весенним утром Маша, как обычно, отрабатывала свои номера. Петя стоял вплотную у стены старого деревянного сарая, а Маша кидала ножи. Она сохранила набор ножей Евгения, и не продавала их, даже когда им приходилось очень туго, девочка всё ещё надеялась, что ножи ей пригодятся. Маша метнула последний нож.

— Блестяще! — сказала она сама себе, — Петь, как ты думаешь, увидят ли когда-нибудь зрители наш номер? — спросила она друга, который привычными движениями вынимал ножи из досок. За долгие годы тренировок он привык к звуку летящего ножа, вонзающегося в старое дерево.

— Скоро эта стена будет похожа на решето, — сказал он Маше со смехом, — столько на ней дыр, и старых и новых. А выступать с этим номером мы будем, я уверен, Штейнер тянет, набивая себе цену. А предложи ты ему половину от своего жалования, так он, хитрая крыса, сразу согласится, — отвечал Пётр, подавая Маше ножи.

— Дай то Бог! — отвечала Маша со вздохом, — но половину он и так забирает, недоплачивая нам ещё больше, чем его отец. Когда же это кончиться!

— Брось, Маша, зачем тебе деньги, ты же привыкла жить скромно, — со смехом спросил Петя.

— Затем, глупенький ты мой, что тебе можно будет вернуть зрение. Я слышала про такие операции и верю, что нам это по силам, только немного денег подкопить.

— Маша, я не чувствую в этом необходимости, тем более есть вещи поважнее, — спокойно и убедительно отвечал Петя, — дом

нужно подлатать, купить тебе новые туфли, у этих подошва совсем сносилась, — убеждал юноша подругу, держа в руке старые Машины туфли, — к тому же они вот-вот развалятся.

— Ты, конечно, прав. Ах, если бы нам с тобой удалось выступить хоть раз с нашим номером! У нас бы появились поклонники, которые бы нам щедро платили, — Маша задумалась, Петя кашлянул, что бы вернуть её к действительности.

— Мечтаешь или вспоминаешь? — спросил он её.

— И то и другое, — тихо ответила девушка, — когда то мы жили в роскошных гостиницах, переезжая из города в город, у меня были самые красивые наряды. Я не жалею о потерянном богатстве, — уверенно сказала она другу, — но как сейчас мне не хватает той беспечности и уверенности в завтрашнем дне. Если бы дядя был жив, он бы непременно помог нам, потому что он всегда кому-нибудь помогал.

— Не стоит ворошить то, чего уже не вернёшь, — ответил погрустневший юноша, — я ведь тоже когда то был зрячим.

— Прости, — Маша обняла Петю, — прости меня, Петруша, я никогда, никогда больше ничего такого не скажу! — Девушка прижалась лицом к его плечу, и он почувствовал, что у неё мокрая щека.

— Не вздумай плакать, вот ещё! — он ласково вытер ладонью Машино лицо, — Ты же борец, Маша, не кисни, всё будет хорошо!

На самом деле Маша редко плакала, она привыкла стойко переносить трудности. Но в этот раз их материальное положение было настолько тяжёлым, что девочка еле сдержалась, что бы не разрыдаться.

Глава 3 Перемены

Долгожданный день наступил, Маше и Петру разрешили выступить с номером метания ножей. Штейнер поддался на уговоры Маши, когда она ему пообещала приличный процент вознаграждения от доходов со всех своих выступлений. Алчный директор разрешил девушке выступать самостоятельно, но при условии, что она не оставит акробатическую группу. На доход и с этих выступлений бессовестный Штейнер наложил руку. Петра это возмутило, но Маша была так рада, что он не стал возражать.

Однажды в зрительном зале появилась молодая богатая женщина. Она сидела в шляпе с вуалью и Маша не увидела её лица, но по походке и осанке поняла, что это представительница аристократии.

Женщина прошла мимо Пети, сидевшего как обычно с краю на передней скамье. Она задержала на нём свой взгляд. Юноша о чём-то задумался, такое с ним часто случалось, когда он оставался один. Он ждал Машу, которая помогала в работе уже совсем состарившейся тёте Ане. Барышня, отойдя немного, оглянулась на Петра. Маша, в это время убиравшая манеж, заметила это. Её сердце защемило. Она испугалась, что молодая аристократка увлечёт его.

Петя вырос красивым юношей, романтичным и ранимым. Они с Машей любили друг друга. Выросли вместе как брат и сестра, но потом их детская привязанность переросла во взрослое чувство. Пете было шестнадцать лет, Маша была на полтора года старше. Физические нагрузки на свежем воздухе (возле домика ребята сажали небольшой огород) и гимнастические упражнения сказались на внешности юноши. Он был высок, широкоплеч и гибок. Маша тоже была гибкой и стройной. Трудная жизнь сделала их взрослее и выносливее, но они были счастливы вместе.

«А вдруг она понравится Пете?! — подумала Маша, — эта женщина молода и богата. Покрутит с ним, задурит парнишке голову, да и бросит потом, ведь он бедный, хоть и красивый».

Молодая дама теперь присутствовала на каждом выступлении. Директор цирка был доволен.

Он осыпал её комплементами, ходил перед нею на цыпочках. Но теперь не только вся труппа, да и сам Петя, догадывались о цели её визитов. Маша уговаривала его не оставаться после выступлений в зале, а ждать её дома, но Петя не понимал причину её беспокойства.

— Если она приходит из-за меня, — говорил он Маше, — то я всегда должен находиться в зале. Ведь чем больше билетов распродано, тем лучше для цирка.

— Нет, — возражала Маша, — не зависимо от того приходит она или нет, Штейнер платит нам всем скудное жалование.

— Тогда я попрошу эту даму, что бы она его пристыдила, — упрявился Пётр.

— Петенька, милый, прошу тебя, не связывайся ты с ней! Уведёт она тебя от меня! Ладно бы совсем, мне будет больно, но я буду утешать себя тем, что ты живёшь в достатке. Но ведь она позабавится с тобой и бросит! Пойми, она аристократка и не станет связываться с бедняком, пусть даже самым красивым на свете! — Маша уговаривала Петра как могла.

— Что ты такое говоришь. Маша?! Это невозможно! Я никогда не уйду от тебя за все богатства мира! Я тебя люблю, Маша, тебя одну и больше никого! — И Петя принялся нежно целовать ей руки, лицо, шею, а Маша тихо

заплакала от счастья.

— И всё-таки, дорогой, будь осторожен! Ты не знаешь, на что способна влюблённая богачка! Если с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу! — сказала она тихо, успокоенная его лаской.

Однажды, после выступления, знатная дама задержалась в зале дольше обычного. Она явно ждала, пока все уйдут. Когда в зале остался один Петя, она подошла к нему и присела рядом на скамью. В это время Маша вышла из-за кулис. Она увидела, как дама подняла вуаль и повернулась к Петру, не замечая, наблюдающую за ней девушку.

У дамы было довольно привлекательное личико; голубые глаза, нежный овал лица с матово белой кожей и небольшой красивый рот. Она что-то говорила Пете, склоняясь к самому его лицу.

— Петя! — Машин крик эхом прокатился по залу.

Дама вздрогнула и опустила вуаль. Она быстро встала и пошла к выходу.

Маша подбежала и, взяв Петра за руку, быстро повела к служебным помещениям.

— Что она тебе сказала, Петенька, что она тебе сказала? — взволнованно спросила Маша, — ты заметил, что она красива?!

— Маша, я же слепой! Но я чувствую красивых людей, внутренне красивых. Что-то есть в

этой молодой женщине. Я понял, что она на несколько лет старше меня. В ней есть искренняя заинтересованность и желание помочь. В этом есть некая красота, больше я ничего не заметил, — спокойно ответил юноша.

— И, всё-таки, умоляю, что она тебе сказала?! — не унималась Маша.

— Она предложила отвести меня к своему знакомому доктору, он уже лечил слепых. Она утверждает, что этот чудо-доктор может вернуть мне зрение.

— Но доктора не лечат бесплатно, а у нас нет таких денег, — возразила Маша.

— Эта дама предложила мне оплатить лечение или операцию, что сочтёт нужным доктор, причём не в долг, а совершенно безвозмездно, — спокойно рассказывал Пётр.

— Безвозмездно? И почему это она так добра к тебе? Она тебя любит, Петенька! И когда к тебе вернётся зрение, ты увидишь её и влюбишься. Спокойствие, уверенность в своей обворожительности, богатство и миленькое личико — этого мужчинам вполне достаточно, что бы потерять голову. Я знаю таких дам. Из-за одной из них мой дядя всю жизнь был одиноким. Ты увидишь, в какой она живёт роскоши, и тебе трудно будет или совсем невозможно отказать ей. И тогда мы с тобой потеряем друг друга, — Маша чуть ли

не плакала.

— Машенька, любимая, разве ты не хочешь, чтобы ко мне вернулось зрение? Ну, если ты так боишься, я откажусь от услуг этой дамы.

— Петенька, родной! Я хочу, что бы ты был счастлив, но боюсь, что эта женщина разобьёт тебе сердце. Она ведь ни за что не свяжет свою жизнь с человеком не её круга. Но если ты хочешь вернуть зрение, то попробуй. Ведь ещё неизвестно, сможет ли этот доктор помочь тебе?! — Маша готова была ради Петиного счастья пожертвовать своим.

— Тогда я, пожалуй, схожу к доктору на консультацию. Ты не волнуйся, Маша, я не собираюсь оставаться у этой дамы дольше, чем того потребуют обстоятельства. Я только воспользуюсь знакомством с ней. Не бойся Маша, может эта затея пустая и ничего не выйдет, но попробовать можно.

Маша согласилась с тяжёлым сердцем. Она искренне желала Петру только добра, но не представляла, как переживёт разлуку. За эти годы, что они прожили с ним вместе, она не просто привыкла к юноше, не только любила его как брата и как друга, наконец, как жениха, но как будто бы срослась с ним душой, будто они стали одним целым. Тоже чувствовал к ней и Пётр.

Глава 4

Разлука

Прошло два месяца, как Петя уехал из города. Ольга Львовна Майнфельд, именно так звали молодую вдову фабриканта Отто Майнфельда, благодетельницу Петра, отвезла юношу к доктору. Тот практиковал в деревне, на свежем воздухе. От Пети не было никаких известий. С того дня, как Маша осталась одна, она не выступала в цирке. Девушка не выступала даже в акробатической группе. Штейнер грозил увольнением, знатная дама тоже не появлялась, что сильно портило директору настроение, так как его доход уменьшился. Нервозность директора сказалась и на жаловании труппы.

Маша тосковала, плакала и молилась. Её воображение рисовало ей разные картины; то Петра околдовывает та молодая дама, то доктор просит чрезмерно высокое вознаграждение и Петру приходится быть буквально рабом своей благодетельницы. Ей представлялось, и это было страшнее всего, что операция Петру не помогла, то ей рисовались картины, будто бы Пётр, вернувшись зрячим, находит её недостаточно красивой. Маша гнала прочь эти глупые мысли, но они снова, непрошено, лезли в голову.

Вскоре состоялся разговор со Штейнером. Он сначала кричал на девушку, потом угрожал и, наконец, стал упрашивать, чуть ли не плача, чтобы

она вернулась на арену. Маша молчала. Тогда он предложил ей пожить у него.

— Не надейся, что твой Петруша вернётся, — заговорил директор заискивающе, — ты молода и красива, а я способен это оценить.

Не успел Штейнер договорить, как Маша поняла, что он ей предлагает, и дала ему звонкую пощёчину.

— Я никогда не буду вашей любовницей и содержанкой! — гневно крикнула девушка ему в лицо.

— Подумай, детка, — сказал побагровевший директор, держась за щёку.

— Как вы посмели мне это предложить, наглец?! — Маша не могла поверить во всё случившееся.

— Ты уволена, — прошипел Штейнер и показал Маше на дверь. Так она ушла из цирка.

Маша решила, как когда-то в детстве, выйти на рыночную площадь. Ей согласились помогать два акробата из труппы. Они работали в свободное от выступлений время. Но вскоре об этом узнал Штейнер. Он не мог смириться со своим поражением и пригрозил акробатам увольнением. Маша снова осталась одна. Тогда она стала петь цыганские песни. Она их часто слышала в детстве. Дядя Женя водил её в табор к цыганам. Это были его старые друзья. Когда-то Эжену Игнатьеву

приходилось жить в таборе, спасаясь от гнева отца. Это было, когда он порвал с семьёй и ушёл из родительского дома. Но это отдельная история, о ней будет рассказано позже.

Маша, ходила по рынку в цветастом платке и широкой юбке. Она неплохо пела и хорошо танцевала. Вскоре у неё появились свои поклонники, в основном небогатые покупатели, продавцы, студенты, да болтающиеся без дела любопытные зеваки. Маша не всегда ела досыта, но это её не беспокоило. Больше всего её мучила тоска по Пете. А потом к ней прибавилась ещё и тоска по цирку и любимой работе. Маша пыталась найти ассистента, который бы мог с нею выступать в номере с метанием ножей, но найти такого оказалось не просто.

После последнего разговора с Петром прошло почти полгода, а о нём так и не было никаких известий. Это изматывало и угнетало Машу больше всего. К этим проблемам прибавилась и новые.

Маша купила старенькую гитару, она когда-то неплохо играла, в детстве её научил всё тот же дядя Женя. Теперь её голос стал звучать ещё красивее, а любовь, постоянно горевшая в её страдающем сердце, добавляла песням особенную прелесть. Машу заметил один из офицеров, иногда посещающих рынок. Он стал её пылким поклонником. Этот офицер не давал девушке

прохода, дарил цветы и осыпал комплиментами. Сначала она принимала его ухаживания благосклонно, надеясь, что ветреный молодчик вскоре увлечётся другой красавицей. Но всё обстояло иначе. Офицер, а он был дворянином, так влюбился, что сделал Маше предложение руки и сердца. И, когда она ему отказала, счёл это жестоким оскорблением для себя. Звали его Николай Громов. Он был упрям и горяч, и решил добиться Маши любой ценой. Но Маша была неприступна. Гордость Громова была уязвлена.

— Я дворянин, и нее позволю так со мной обращаться уличной певице, — сказал он гневно Маше.

— Графиня Игнатьева к вашим услугам. *Vous avez beaucoup de lui permettez de* (вы много себе позволяете). Маша заговорила на чистейшем французском. Она никогда никому не рассказывала о своём происхождении, но истосковавшись по Петру, любимой работе и угнетённая безденежьем, девушка не выдержала нервного напряжения. У Громова теперь не оставалось никаких сомнений на её счёт, но теперь Маша ему казалась ещё более желанной. Ей же никто кроме Петра не был нужен. Чтобы не встречаться с влюблённым офицером Маше пришлось уйти и с рынка тоже. Неизвестно, что было бы с девушкой, если бы Бог не послал ей встречу с Селивановым.

Судья не сразу узнал девушку, когда случайно столкнулся с ней на улице. Да и сам он сильно изменился. Селиванов заметно постарел и погрузнел. Но вспомнив Машу, судья радушно пригласил её в свой дом. В это раз она не отказалась.

Последний раз окинула девушка взглядом своё ветхое жилище, столько лет служившее им с Петром. Она даже не предполагала, что видит это всё в последний раз, что жизнь распорядится так, что ни ей, ни Петру, не придётся возвращаться в этот дом. Она написала Петру записку, что бы он знал, где её искать и вышла.

Глава 5

Снова вместе

У Селиванова Маша не просто жила, она никогда не позволяла себе быть кому-то в тягость. Девушка читала старику вслух, взбивала ему подушки и наводила порядок в доме, помогая горничной. Новые заботы отвлекли её на какое-то время. Но через несколько дней Маша вновь почувствовала жгучую тоску. Ночью, оставаясь одна в своей комнате, она давала волю слезам. А потом ей не давали покоя сны. Ей снился Пётр и цирк, цирк и Пётр. И так бесконечно. Иногда ей казалось, что если она не получит известий от

Петра или не увидит цирк, то сойдёт с ума.

Как-то, возвращаясь из аптеки по поручению Селиванова, Маша встретила Вику Полиничко, свою цирковую подругу (Вика была эквилибристкой). Девушки обнялись, Маша не смогла удержаться и разрыдалась. Она рассказала Вике обо всех своих переживаниях. Вика в свою очередь рассказала, что Штейнер рассказывал кому-то из артистов, что будто бы Пётр видит, он успешно перенёс операцию и живёт в доме у доктора, лечившего его. А когда у директора спросили, откуда он это знает, тот ответил, что, мол, сорока на хвосте принесла.

— Почему же Петя мне не пишет? — удивилась Маша.

— Возможно, ему нельзя сейчас напрягать глаза? — предположила Вика.

— Он умел писать, когда был слеп. Если нельзя напрягать зрение, он может написать с закрытыми глазами. Нет, тут что-то не так. Может ему не хочется возвращаться в наше бедное жилище? Нет, Петя не мог так сильно измениться, — решительно сказала Маша.

— Не волнуйся, Машенька! Главное, Петя твой жив и здоров, — успокаивала Вика подругу, — и вот ещё что, добавила она серьёзно, — даже не знаю с чего начать. Штейнер постоянно злой. Пьёт, артистам не платит, труппа

редеет, многие уходят в другие цирки. Штейнер называет себя банкротом и во всём винит тебя.

— Почему меня? — недоумённо спросила Маша.

— Кто его знает? Говорят, он тебе сделал предложение, а ты отказалась, это правда? — спросила Вика.

— Да какое предложение! Ты знаешь, что он предложил мне стать его содержанкой?!

— Надо же! А все думают, что он сделал тебе предложение руки и сердца. Да, дела! — вздохнула Вика, — а я тоже собираюсь уйти из нашего цирка. Пойду к Давыдову, пока есть возможность. Послушай, а если ты тоже...

— Нет, нет! — не дала договорить подруге Маша, — я буду только метать ножи. Ассистента нет и, похоже, долго ещё не будет. Так что буду жить у Селиванова до Петиного возвращения.

— А ты не думаешь, что он не захочет возвращаться в цирк? — спросила вкрадчиво Вика.

— Как это? О чём это ты? — недоумённо спросила Маша. Она могла представить, что Пётр может увлечься той женщиной, но что бы он разлюбил цирк, это казалось девушке невероятным.

— То он был слеп, а теперь видит. Перед ним открываются новые горизонты, — сказала Вика.

— Какие бы перед ним горизонты не открывались, главное, чтобы мы с ним были